

— Дед, почему тебя в деревне все называют Левым? — спросил десятилетний Мишка, глядя, как его прадед расправляется левой рукой с березовыми чурками. — И почему твоя правая рука не гнется в локте?

— И не только Левым меня называют, еще и Седым, — усаживаясь рядом на скамейке с правнуком, ответил дед.

— Расскажи.

— Расскажу. Слушай. — Дед, задумавшись, немного помолчал, вздохнул и начал свой рассказ:

— Шла Великая Отечественная война. Было мне в ту пору примерно столько, сколько тебе сейчас...

— Маруся! Шнель, шнель! Закуска: курочка, яйца, огуреки, — торопил немецкий офицер, войдя во двор дома со своим сослуживцем. — Сегодня майн кнабе цеен лет. Праздник!

В доме, который построили Мария с Николаем незадолго до войны, теперь проживал этот проклятый оккупант Ганс. На кухне нового дома он разрешил готовить только для себя и своих гостей.

«Хорошо, что не успели снести старую хату, — думала Мария, вспоминая умелые руки и голубые глаза своего Коленки. — Как он там на фронте? Господи, спаси и сохрани его для нас», — продолжала мысленно разговаривать сама с собой.

Сегодня утром по приказу Ганса Мария ощипала последнюю курицу. Сварив, разрешила ее на кусочки специально, чтобы хоть малюсенькую долю отнести детям: десятилетнему Гриньке, восьмилетнему Петюшке да шестилетней Танюшке. «Ох, беда, беда! Хорошо, что хоть лето — на огороде огурцы пошли, картошку уже можно подкапывать, — думала Мария, продолжая вертеть в руках курицу. — Крысиным ядом посыпать ее, что ли? Да детей жалко — истребят же нас всех». Она вспомнила Нюру, которая жила через три дома. За малое неповиновение ее с грудным ребенком расстреляли возле бывшего сельского Совета на глазах у всей деревни...

«Жрите, сволочи», — чуть не вырвалось из уст Марии.

— Бите, господа офицеры, — вовремя опомнившись, произнесла женщина, поставив на стол яичницу, уложенные аккуратно на тарелке кусочки курицы, порезанные ломтиками огурцы.

«Эх, полоснуть бы сейчас из автомата этих фрицев!» — думала Мария, глядя, как Ганс достает из нагрудного кармана фотографию.

— Карл, это мой сын, — с гордостью сказал Ганс и подал фотографию своему гостю.

«Как жаль, что связной партизанского отряда не разрешил мне уйти к ним в лес, — продолжала свой мысленный монолог женщина. — Ну что ж, буду смотреть, все видеть и знать, что происходит в деревне, как просил Степан».

— Что-то еще, господа офицеры? — спросила Мария.

— Найн. Найн, — махнул рукой Ганс, продолжив рассказывать своему гостю о сыне. Но едва Мария перешагнула порог, услышала вдогонку: — Морген корову на пастбище не гнать!

Знойный июльский день близился к своему завершению. Мария поспешила через двор в хату, услышав немецкую автоматную очередь где-то на краю деревни.

Закрыв дверь на засов, она поставила на стол миску с кусочком курицы. «Как этот кусочек поделить на троих», — думала Мария, снимая с головы черный платок, в котором ей было очень душно. Когда немцы вошли в их деревню, свекровь, которую за добрый нрав все звали Пелагеюшкой, достала из своего сундука этот платок и подала невестке:

— Покройся пониже: нечего чужакам созерцать твою красоту!

Пелагеюшка, сложив на коленях познавшие все виды крестьянского труда руки, сидела на лавке у печи и печально наблюдала, как дети, усевшись за стол, жадно вдыхают аромат, идущий от кусочка курицы.

— Мама, фриц сказал, чтобы корову завтра со двора не выгоняли. К чему бы это? — сказала Мария, деля кусочек на три части.

— Соседке нашей Танехе тоже приказали теленка держать во дворе. Видно, погонят наш скот в Германию

— Ох, ох, ох! — прослезилась Мария. — Как в зиму оставаться без кормилицы?

— Как вообще не сгинуть при этих басурманах? — шепотом ответила свекровь.

«Успею ли сообщить Степану о готовящейся немцами операции по угону нашего скота?» — озабоченно подумала Мария.

— Дети, всем спать. Лампу не зажигать: керосину почти не осталось, — сказала Мария, повязывая до бровей свой черный платок. — Через час я приду, — добавила она, обращаясь к свекрови.

— Будь осторожна, дочка, — прошептала Пелагеюшка.

— Знаю, не впервой, — ответила Мария и выскользнула из хаты.

Прежде, чем отправиться к деду Степану, семидесятилетнему старику, который с завидным постоянством ходил через день в лес и приносил новым хозяевам гостинцев: то землянички, то чернички, то малинки, Мария зашла в дом, чтобы убрать грязную посуду после пиршества фрицев.

Ганс был уже один. Он лежал на диване навзничь, подложив левую руку под запрокинутую голову. Правая рука свисала до пола. Рядом лежала фотография.

Едва дыша, Мария подняла ее. «Ишь ты! Немчуренок! Такой же белобрысенький, как и мой Гришунька. Неужели и этот захочет воевать?» Положив фото вниз лицевой стороной на белоснежную скатерть стола, забрав посуду, заторопилась прочь...

Гринька, голубоглазый мальчуган, очень похожий на отца, долго не мог уснуть. Он слушал, как посапывает рядом братишка, как сестренка почему-то обиженно всхлипывает во сне, как бабушка тихонько шепчет свою молитву.

Сам же Гринька думал о Зорьке, которую завтра придется отдать «этим басурманам», как выразилась бабушка. Он тяжело вздохнул, вспомнив слова матери: «Как в зиму оставаться без кормилицы?» «А что, если спрятать Зорьку? — соображал Гринька, ковыряя в носу. — Чуть только забрезжит рассвет, вывести ее через огород, перевести через большак, а там и ров»...

Дверь тихонько скрипнула. Мария торопливо проскользнула к кровати, где спала Танюшка.

— Мамань, а что, правда, могут забрать Зорьку? — тихо спросил Гринька.

— Ты еще не спишь? — прошептала Мария. — Спи, сынок. Утро вечера мудренее. Посмотрим.

«Спасу Зорьку!» — окончательно решил Гринька...

— Идем, идем, Зорька: уже светает. — Гринька легонько толкает свою кормилицу в бок. Пройдя благополучно огород, опять шепчет: — Стой, Зорька, смирно: погляжу, чист ли большак. «Цок-цок», раздается цокот коровьих копыт по укатанной пустой дороге. — Быстрее, Зорька! — командует мальчишка, преодолевая вместе с коровой последние шаги через большак. — Молодец, молодец, Зорька. Теперь можно и не торопиться, — успокаивал Гринька коровушку, спускаясь по склону оврага. Преодолев еще метров пятьдесят, остановились за кустами орешника. — Ешь, Зорька, трава здесь сочная, — сказал и растянулся рядом во весь свой мальчишечий рост, ощутив свежесть земли.

Гринька задремал...

Солнце пробудилось от сна, посылая на грешную землю свои лучи. Один из них коснулся Гринькиного лица. Он открыл глаза и увидел, как солнечные зайчики играют листвою, капельками росы на траве. Тихо. Будто и нет никакой войны.

Мальчик дотянулся до пучка дикого шавеля, сорвал и, встав на четвереньки, начал его жевать, подражая Зорьке. Кислый вкус возбудил еще больший аппетит. Вспомнился вчерашний кусочек курицы...

Неожиданно вдалеке раздалась автоматная очередь. Топот лошадиных копыт и гроыхание дрожек становились все слышнее. Наконец все стихло.

Гринька выглянул из-за куста. На большаке, напротив оврага, дрожки остановились. На них сидели четверо: двое в немецкой и двое в полицейской форме. Оба полицейя сошли с дрожек и направились к оврагу, пуская очередь из автоматов. Один из них стал спускаться вниз, продолжая стрелять.

Зорька испугалась, замычала и стала метаться по оврагу. «Беда!» — с ужасом подумал Гринька, но победил вслед за коровой.

— Стой, стрелять буду! — закричал полицейя, догоняя беглецов.

Мальчик остановился. Его маленькое сердечко стучало как бешеное, и душа разрывалась от обиды и ненависти.

— Зорька, Зорька, ко мне, — позвал он корову, опасаясь за ее жизнь.

Схватив Гриньку за шиворот рубахи, полицейя зашипел в самое ухо, задыхаясь от быстрого бега:

— Прячешь корову!? Хочешь, чтобы всю твою семью расстреляли, дурия твоя башка! Поднимайся наверх!..

Гриньке стало невыносимо страшно: представилось, как немцы, зайдя во двор и не обнаружив Зорьку на месте, выстроили ряд вдоль забора маму, бабушку, Танюшку, Петьку и целятся в них из автоматов...

— Господин офицер, — обратился человек в полицейской форме к одному из немцев, — мальчишка заблудился. Пусть ведет корову к себе во двор.

Немецкий офицер махнул рукой. Все уселись в повозку, и она опять загрохотала по твердому, как асфальт, грунту.

«Дурья моя башка, дурья моя башка!» — корил себя Гринька, спеша домой и вытирая слезы грязной ладошкой...

Проснувшись, Мария прислушалась. В районе большака где-то застрекотала автоматная очередь. Встав с постели, женщина поправила одеяльце, под которым спала дочурка, прислушалась к тяжелому дыханию све-крови, подошла к полатам, где спали сыновья. Вдруг сердце забилося в тревоге: Гришуньки не было на месте. Мария выбежала во двор, огляделась. Страшная догадка осенила ее. Она подбежала к сараю — щеколда откинута, заглянула внутрь — Зорьки нет. «Так вот что за шорох слышала я на рассвете! Усталость свалила с ног — не укараулила сына и корову! Что же делать? Что же делать?» — лихорадочно перебирала мысли Мария...

— Маруся, дочер зольдат приходите за коровой через фюнфейн минут. Выводи во двор! — сказал немец-постоялец, подходя к рукомойнику.

Мария вздрогнула. Забежав в хату, велела свекрови закрыться и не выпускать детей. В надежде, что сынишка с Зорькой в огороде, побежала туда. Никого не было. В висках стучало, будто мина отсчитывала последние секунды перед взрывом.

Обессиленная, женщина медленно подошла к сараю и встала у дверей.

— Корова? Где корова?! — громко спрашивал пришедший немецкий солдат.

Он подошел к Марии, оттолкнул ее и заглянул в сарай. Увидев, что сарай пуст, направился к офицеру, вытиравшемуся рушником, и начал что-то быстро говорить. Тот побагровел, скрутил рушник жгутом, подошел к Марии.

— Ты прятать му-у?! — Мария молчала, опустив голову. Ее руки безжизненно повисли вдоль туловища как плети.— Вер прятать корова?! — в гневе кричал немецкий офицер, намереваясь ударить женщину скрученными полотенцем.

— Му-у-у,— послышалось Зорькино мычание.

Гринька с Зорькой успели вовремя.

Офицер, схватив Гриньку за ухо, подвел его к березе, которая росла у забора.

— Стоять! Тьебя надо наказать! — строго сказал офицер и быстрым шагом направился в дом.

Немецкий солдат, довольный превосходством своего положения, играючи, наводил дуло автомата то на Марию, то на Гриньку. Через минуту вышел офицер в полном обмундировании, держа в руке браунинг.

Мария, опираясь о стену сарая, от бессилия сползла вниз, не в силах сдвинуться с места. Гринька шмыгнул носом, размазал порванным рукавом рубахи слезы по лицу, поправил отцовский картуз, сползший на глаза, встал по «стойке смирно», прижавшись к еще прохладному стволу березы.

Немецкий офицер прицелился, выпуская из браунинга одну за другой пули, которые свистели вокруг Гриньки, врезаясь в забор и верхнюю часть ствола березы.

Потрясенная происходящим, Мария вскочила с земли, вихрем пронеслась в дом и тут же — обратно.

— Господин офицер! Вы забыли фото! Ваш кнабе! — кричала она, протягивая дрожащей рукой фотографию.

Рука офицера дрогнула, выпустив последнюю пулю. Жгучая боль пронзила локоть Гриньки. Он вскрикнул. Горячая липкая струйка потекла от локтя вниз.

— Геен вир,— сказал офицер солдату, бережно пряча фотографию сына в нагрудный карман...

Двор опустел. Мария, сорвав с головы платок, бросилась к сыну. Опустившись перед ним на колени, она замотала платком рану.

— Сыночек мой, Гришунька, родненький,— шептала мать, прижимая сына к груди.

— Маманя, что ты? Я же жив,— хлюпая носом, сказал Гринька.

Отцовский картуз опять свалился ему на глаза. Мария сняла его с головы сына и... окаменела: давно не стриженные волосы ее Гришуньки были белы от седины...

Прадед закончил свой рассказ, а правнук Мишка, задумавшись, еще долго молчал, поглаживая простреленный дедов локоть.

